

ПРОТОИЕРЕЙ
Александр Мень

От рабства к свободе

Александр Мень

**От рабства к свободе.
Лекции по Ветхому Завету**

«Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня»

2008

УДК 2
ББК 86

Мень А.

От рабства к свободе. Лекции по Ветхому Завету / А. Мень —
«Гуманитарно-благотворительный фонд имени Александра Меня»,
2008

ISBN 978-5-903612-22-2

Цикл лекций известного православного священника, современного писателя-богослова, протоиерея Александра Меня (1935–1990) был прочитан в 1989–1990 гг. для студентов, которые изучали историю и архивоведение в Московском Государственном историко-архивном институте (МГИАИ).

УДК 2
ББК 86

ISBN 978-5-903612-22-2

© Мень А., 2008
© Гуманитарно-благотворительный
фонд имени Александра Меня, 2008

Содержание

Предисловие	8
Книга Исхода	10
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Протоиерей Александр Мень
От рабства к свободе.
Лекции по Ветхому Завету

Протоиерей Александр Мень

Редакционная коллегия:

Роза Адамянц, Наталия Вторушина, Павел Мень

На обложке воспроизведена картина немецкого художника Роберта Лейнвебера «Огненное восхождение пророка Илии на Небо»

Предисловие

«Всю жизнь он говорил о примирении людей. Всю жизнь его не слушали». Этими словами о пророке Иеремии из лекции отца Александра Меня, которую он прочел в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) 11 апреля 1990 года, можно сказать о его жизни, о нем самом, его судьбе и оставленном им следе в Истории.

Это был цикл лекций, условно названный в известном Московском гуманитарном институте МГИАИ «спецкурсом» для студентов, которые изучали историю и архивоведение в поисках исторического момента, то были годы знаменитой перестройки, которую сегодня одни забывают, другие толкуют как угодно, в зависимости от своих нынешних пристрастий и предпочтений. Я историк, и поэтому пытаюсь взглянуть на то время и встречи с отцом Александром в роли академического лектора по возможности объективно, хотя ни в коем случае не отстраненно. Ведь мне довелось быть активным участником духовных и культурных перемен той бурной эпохи. Среди этих перемен – беспрецедентный факт – православный священник отец Александр Мень читает спецкурс для студентов светского (еще вчера вполне советского) высшего учебного заведения. Приглашение столь необычного лектора именно в историко-архивный институт не было случайностью, поскольку тогдашний ректор МГИАИ историк Ю.Н. Афанасьев приложил немалые усилия к тому, чтобы сосредоточить в институте лучшие силы гуманитарной мысли страны, тех, кто сохранил себя в тисках сталинского догматического марксизма-ленинизма и не зачах в тусклом безмыслии и безвременье брежневской поры. А такие люди, к счастью, были. Среди них – удивительный и уникальный отец Александр Мень.

Вспоминаю момент оформления его на работу. На мою просьбу заполнить полагающиеся бумаги, чтобы стать «почасовиком», отец Александр удивленно поднял брови: «Зачем это? Ведь никакой платы за лекции я не приму». Я объяснила, что нам хотелось бы создать и документально зафиксировать прецедент привлечения священнослужителя к преподаванию научной темы: Библия, о которой он собирался рассказать, принадлежит всей мировой культуре. Однако в советское время нельзя было и помыслить о подобном лекторе для студентов вуза. Священник в студенческой аудитории не с целью обращения в христианскую веру (по сей день убеждена, что это дело сугубо личное), а в качестве ученого специалиста по истории древности и исследователя путей становления мировой культуры.

В текстах лекций отца Александра раскрываются его обширные знания прежде всего о ранних страницах истории человеческого общества. При чтении записанных на магнитофон и теперь восстановленных лекций отца Александра не покидает ощущение, что Александр Мень – востоковед, специалист по истории Древнего Востока. Тем более, что он неоднократно упоминает авторов специальных научных исследований по древней истории, говоря о них легко и уверенно, как о добрых знакомых, которые видят проблемы библейской эпохи несколько односторонне (вне вопросов веры), однако по-своему интересно и достойно серьезной оценки.

Многочисленные литературные ассоциации и реминисценции, постоянно возникающие в лекциях отца Александра, говорят о его гуманитарной образованности как о чем-то совершенно органичном для лектора, служителя не только Православной Церкви, но и ответственного дела обучения и просвещения юношества. Таким и только таким должен быть тот, кто берется вести молодых в бесконечно прекрасный мир духовной культуры человечества. Не перечислить тех, кого легко и естественно включает в контекст своих раздумий о древности, о заре человеческой духовности отец Александр: Пушкин и Гёте, Достоевский и Чаадаев, Байрон и Андрей Белый... Эрудиция лектора вполне очевидна, но она не демонстрируется ради того, чтобы произвести впечатление на аудиторию. Нет, тональность разговора отца Александра с сидящей в зале молодежью – самая непринужденная и доверительная. Это как «разговор по душам». Лектор часто говорит: «Вы, конечно, знаете», «Вам наверняка известно».

Скорее всего, не «навверняка». Но эти обороты речи – дань уважения к тем, кто еще так молод и вырос в советское время, абсолютно вне мира Библии, с туманным школьным представлением о древности как времени господства «рабовладельческой формации», чьи «производительные силы» были шагом вперед по сравнению с первобытностью.

Абсолютное большинство слушателей, собиравшихся на лекции отца Александра в актовом зале МГИАИ на Никольской улице, были обычными советскими людьми, которые после десятилетий официального государственного атеизма более чем смутно представляли себе содержание великой книги —

Библии. И лектор нашел точный путь к своей аудитории – он говорил очень просто о сложном, вплетая в повествование тонкие ремарки от своего лица. Вот он рассказывает об исходе израильтян из египетского рабства: «...рабство людей было хотя и горькое, но спокойное, обеспеченное и сытное... Это было рабство скорее психологическое: люди работали, ели, но они становились как бы согнутыми нравственно, духовно». Как непривычно это звучало весной 1990 года в едва начинавшейся новой исторической эпохе, которая реально наступит еще через год. Это время начнут называть «постсоветским» на самом рубеже уходящего XX и наступающего XXI столетий.

А вот совсем ошеломительное: «Люди не любят свободы и никогда ее толком не любили. Свободу любят лишь избранники, и они сеют семена...». Теперь мне отчетливо видится, что эти слова не о неких сторонниках свободы «вообще», они могут очень точно быть отнесены к самому лектору. Духовная, внутренняя свобода человека, его осознанный нравственный выбор на пути к Богу – вот, в сущности, важнейшая тема лекций отца Александра и тема его жизни.

Была весна 1990 года, над Москвой светило яркое солнце, ветер духовной свободы набирал силы в будущей России. Отец Александр обещал продолжить чтение своего популярного спецкурса в МГИАИ в следующем учебном году. Но осенью 1990 года он трагически погиб. Его видение «Мира Библии», которое он приоткрыл своим неискушенным, но глубоко заинтересованным слушателям, так и осталось для нас неполным...

Н.И. Басовская, проф. д.и.н.

Книга Исхода

Сегодня мы будем говорить о Книге Исхода – второй книге Пятикнижия, которая относится к Моисеевой традиции. Первая, как вы знаете, – это Книга Бытия. Все пять книг Моисеевой религии впоследствии были зафиксированы, записаны и соединены воедино. Этому вопросу можно потом посвятить отдельный курс библейского источниковедения.

Те, кто собрал эти пять Книг воедино в той форме, в которой они существуют теперь, бережно отнеслись к разнообразным способам передачи устного предания и к его поэтическому звучанию. Об этом, например, говорит строгое, сдержанное, сухое изложение Книги Левит, которая является богослужебным уставом, своего рода Типиконом древней ветхозаветной Церкви, Церкви древнего Израиля. Вы знаете, что такое Типикон? Типикон – это устав богослужения Иерусалимского монастыря святого Саввы, сложившийся в VI–VII веках, который стал богослужебным церковным Уставом для Древней Руси, для современной Русской Православной Церкви и для большинства православных Церквей.

Так вот, таким богослужебным уставом для ветхозаветной Церкви является Книга Левит. Конечно, для христианского сознания она уже в значительной мере устарела, но все равно сохраняет свою ценность, потому что в ней есть важнейшие духовные положения, без которых Библию понять нельзя.

Затем следует Книга Чисел, которая рассказывает о пребывании израильтян в пустыне. Это книга об искушениях, книга о том, как человек воспринимает дарованную ему свободу и какие трудности из этого вытекают. И, наконец, Второзаконие – это книга-предупреждение, которая во многом напоминает проповеди пророков.

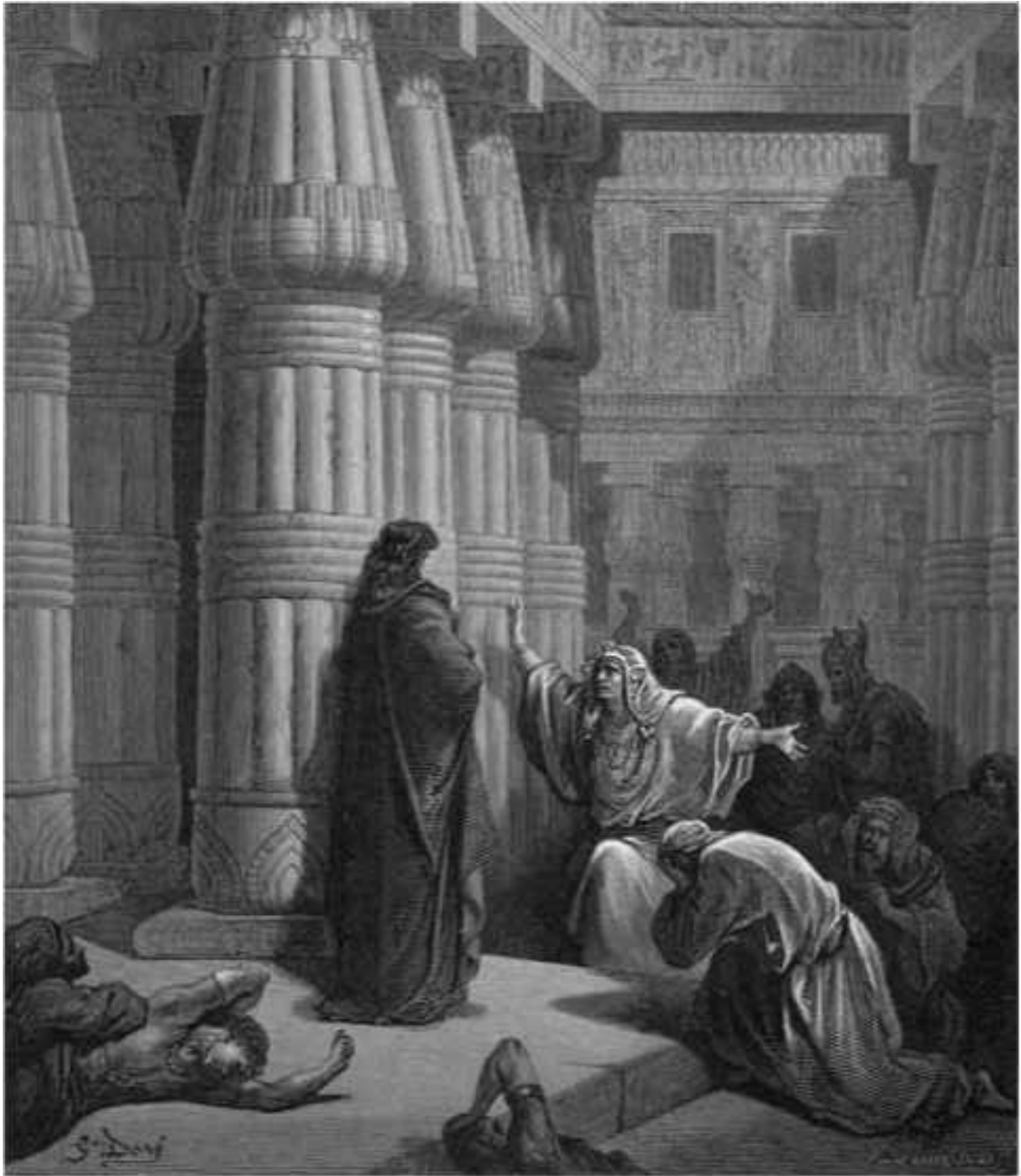
Итак, Книга Исхода. Вероятно, когда вы проходили историю Древнего Востока, слышали о гиксосах – таинственных завоевателях Востока. Египтяне называли их *хекау-хасут*, то есть «владыки чужеземных стран». До сих пор неизвестно, кто они по своему языку и происхождению; скорее всего, это была группа воинственных полугосударственных образований, в которую входили и амориты, говорившие на семитском языке.

Так или иначе, где-то около 1700 года гиксосы вторглись в Сирию, в Палестину, основали там несколько мощных военных крепостей и потом двинулись вниз, на Египет. Гиксосы уже владели конницей, у них были боевые колесницы, что исключительно влияло на ход военных действий. В Египте в то время еще не было колесниц; вместо коней использовались ослы – куланы или ананы. И вот впервые появляются быстрые и мощные животные, которые на страшной скорости несут двух воинов: один правит, а другой непрерывно осыпает стрелами противника, и когда врывается уже в гущу боя, то рубит, разит топором или мечом направо и налево.

Египет в это время переживал тяжелый общественный и политический кризис. И поэтому, когда гиксосы вторглись в эту страну, он не сумел оказать сопротивление и совершенно неожиданно оказался подчиненным пришельцам из Азии. Но не следует думать, что гиксосы оккупировали Египет. Они составили лишь небольшую правящую военную элиту, сделав своим центром Хетварт, или Аварис, – крепость в восточной Дельте Нила; впоследствии у этого города было несколько названий, а в правление фараона Рамсеса II его переименовали в *Пи-Рамсес*, что означает Дом Рамсеса. В течение ста с небольшим лет эта азиатская династия правила в Египте подобно фараонам. Причем они очень быстро усвоили все традиционные для Египта понятия, принципы, моды, стиль одежды.

От гиксосов сохранились скарабеи – печати с именами царей, некоторые надписи, но их не очень много. И надо сказать, что для историков и сегодня восстановить это странное столетие в истории Египта подобно разгадке своего рода шарады или ребуса. Потому что связные

описания событий мы находим только в цитатах Манефона¹, сохранившихся у Иосифа Флавия, то есть мы имеем их в двойной передаче. Сами египтяне не любили вспоминать о периоде гиксосского ига.

Гюстав Доре.

Фараон просит Моисея покинуть Египет (Исход 12:30–38)

Именно в этот период, когда правили гиксосы, на границе Египта появилась семья (клан, род) Иакова-Израиля, потомка Авраама. В Сирии был голод, и они пришли в Египет, который обладал большими запасами хлеба. Я думаю, что вам не стоит рассказывать историю Иосифа, – по крайней мере многие из вас читали роман Томаса Манна «Иосиф и его братья», книгу занятную, но бесконечно растянутую. Иосиф оказался визирем фараона, то есть вторым лицом

¹ Манефон – древнеегипетский историк и жрец, живший в конце IV – первой половине III в. до н. э. Его труд «История Египта» сохранился лишь в цитатах древних авторов.

в государстве. И это совершенно понятно: именно в ту эпоху фараоны-гиксосы предпочитали окружать себя выходцами из Азии, потому что не доверяли местному населению. И не зря не доверяли, потому что князья или цари египетские (мы сейчас не знаем, как их тогда называли), подчиненные гиксосам, продолжали постоянную борьбу против них, стремясь свергнуть их владычество.

Все столетие шла эта глухая борьба, в чем-то отдаленно напоминающая подготовку к свержению татаро-монгольского ига. Во главе сопротивления (аналог Москве в египетской истории) стояла Фиваида – регион вокруг древней столицы Египта Фив. Около 1580 года фараон Яхмос возглавил очередную попытку изгнать гиксосов, и на этот раз она ему удалась. После тяжелой и кровопролитной битвы гиксосы отступили на северо-восток, и крепость их пала. Аварис был захвачен, и египетские фиванские войска преследовали противника далеко за пределами страны.

Началась эпоха, которую знаменитый американский египтолог Джеймс Брестэд называл эпохой «египетской империи». Мы называем ее «периодом

Нового Царства», но «империя» – слово подходящее, потому что Египет впервые начал экспансию за пределы своей исконной территории. И вот уже фараон Джехутимесу, или, как его принято называть, Тутмос III, идет войной на Ближний Восток, на север, доходя до областей Месопотамии.

В это время в истории Египта происходило много удивительных событий. Правила царица Хатшепсут. Правил великий Эхнатон, 17-летнее царствование которого было попыткой совершить духовный, религиозный переворот. Это была первая в истории человечества попытка заменить многобожие единым почитанием Солнца как высшего Бога (XIV век до н. э.).

Попытка Эхнатона кончилась крахом – после его смерти все было уничтожено: и древние боги, и древние традиции успешно заняли свои прежние места. Столица Эхнатона была заброшена, и в конце концов ее засыпало песком. Только в конце XIX столетия, около ста лет назад, археологи откопали там остатки великолепного дворца, живопись, скульптуру – то, что мы теперь называем искусством амарнской эпохи. Почему «амарнская» эпоха? Потому что среди арабов холм, который скрывал остатки столицы фараона Эхнатона, фараона-реформатора и еретика, назывался Тель-Амарна, или «Холм Амарны» (*тель* — это курган, холм).

Об амарнском периоде есть богатая литература: начиная с ранних книг уже советского периода, с написанной историком Авдиевым в 1924 году книги «Древнеегипетская реформация» и кончая последними исследованиями Юрия Яковлевича Перепелкина, нашего крупнейшего, ныне покойного египтолога, жившего в Ленинграде. К сожалению, этот могучий человек, с огромным охватом знаний по Востоку, по библеистике, по иероглифике, оставил мало трудов, да к тому же его исследования трудночитаемы. В его книге об эпохе Эхнатона, которая называется «Переворот Амен-Хотепа», очень скрупулезно собраны материалы по этой эпохе, доступные исключительно египтологам и востоковедам. Он пытался выйти на широкую публику с книгой «Тайна золотого гроба», но, несмотря на детективное название, она все-таки достаточно специальная.

Наконец, в XIII веке до нашей эры во главе империи оказывается Рамсес II – человек, о котором больше всего знают историки, потому что он оставил очень много памятников, и даже на чужих памятниках любил высекать свое имя; так что вначале археологи думали, что Рамсес построил все... Это был человек, который правил долго, почти 60 лет. Его мумия показывает, что он действительно был великаном двухметрового роста. Лицо его прекрасно сохранилось, видны очень характерные черты: вытянутый череп, нос с горбинкой. Он перенес свою столицу снова на север в Дельту и начал строить город Пи-Рамсес, который назвал в честь себя (что, собственно, для нас вполне привычно). С этого времени и начинается библейская история.

Статуя фараона Рамсеса. Египет

Пока в Египте происходили эти драматические события, потомки Иакова вели однообразную, монотонную жизнь пастухов на восточной окраине Дельты и, вероятнее всего, судя по некоторым намекам в Библии, они утратили ту таинственную веру, которую имел Авраам, веру в то, что ему и его семье принадлежит какая-то особая роль в истории. Они жили, как пастухи, и столетия пролетали над ними, как сон. Для пастуха все протекает однообразно, в соответствии с сезонами, временами года. Письменности не было, память народная сохраняла немного: какие-то сказания, среди которых, вероятно, были и те, которые затем составили начало Библии – о сотворении мира, о начале человеческого рода.

И вдруг в эту мирную, тихую и сытую жизнь (а Египет был богатой страной и в свое время умудрялся кормить половину Римской империи) вторгается грубая жестокая действительность. Рамсес нуждается в рабочей силе и начинает привлекать к строительству население окрестных регионов. В конце концов, израильтяне оказываются в положении государственных рабов, конечно, не в прямом смысле, потому что рабовладение с нашей точки зрения тогда было свободным. Но они должны были за пищу и кров непрерывно трудиться на этих бесконечных стройках.

И однажды там появился человек, носивший египетское имя *Месу*, или, как его называли иначе, *Моте* — это имя уже гебраизированное, или по-гречески *Моисеус* — отсюда Моисей. Он объявил рабам: «Бог ваших праотцев призывает вас на свободу. Вы должны покинуть дом рабства».

Для нас, читающих сегодня Библию, может показаться, что это была благая весть! Это была радостная весть, которая звала людей из рабства на свободу. Но это иллюзия, потому что — и здесь вся завязка драмы — рабство людей было хотя и горькое, но спокойное, обеспеченное и сытое. Документы, которыми мы располагаем из египетских источников, показывают, насколько внимательно египетские власти относились к обеспечению рабочих пищей и всем необходимым. Люди, в общем, имели все. Условия были не такие, как при строительстве известного нам канала, где люди погибали. Это было рабство скорее психологическое: люди работали, ели, но они становились как бы согнутыми нравственно, духовно.

А что же предлагал им человек по имени Моисей? Он предлагал им уйти в пустыню, где некогда кочевали их предки, и совершить Богу жертвоприношение у Его святой горы. Он призывал их выйти из благословенной, богатой страны, где жили их отцы и деды, где хотя и трудно работается, но жить можно, где есть жилье и еда, и пойти навстречу неведомому. Здесь мы встречаем новую модель: вера требует смелости. Впоследствии Блез Паскаль в своих «Мыслях» назовет это прыжком через пропасть.

Библия повествует о том, что Моисей был воспитан в египетской среде. На этом основании Зигмунд Фрейд считал, что Моисей был просто египтянином, который усвоил определенные египетские монотеистические идеи и потом пытался ими вдохновить восставших рабов. Это совершенно фантастическое предположение, ни на чем не основанное.

Вильям Олбрайт, крупнейший археолог нашего столетия в области библейской археологии, писал, что все развитие египетской духовности того времени и вообще развитие духовности Ближнего Востока шло в направлении, ведущем к восприятию идеи высшего единого Бога. Этой теме посвящена знаменитая, ставшая уже классической книга Олбрайта «From the Stown Age to Christianity» — «От каменного века к христианству».

Олбрайт предполагает, что слова Библии «Моисей был научен всей мудрости египетской» означают, что он действительно впитал в себя какие-то идеи. Но Библия не расширяет эту тему, потому что для нее важно совсем иное (на это мы должны обратить внимание), для нее важно, что инициатором всей этой борьбы за Исход является Бог, властвующий и говорящий в истории.

Сначала действует человек. Моисея вырастили при дворе фараона, а его названной матерью была дочь фараона, которая дала ему египетское имя, и он, казалось бы, мог иметь блестящее будущее. Но он пошел к своим братьям (потому что его выкормила родная мать) — посмотреть, как они живут. И когда он увидел, что они унижены, угнетены, он решил искать для них спасения...

Однажды Моисей вступился за обиженного и, сам того не зная, убил египетского надсмотрщика. Это кончилось тем, что ему пришлось бежать из Египта, так как он стал мятежником против фараона.

В Синайской пустыне, куда он скрылся, он нашел семью мадианитского шейха и, женившись на его дочери, остался жить в районе Мадяна.

Все кончено. Его попытки ни к чему не привели. Возможно, что от бессилия Моисей опускает руки. И только тогда Бог призывает его. Это один из важнейших мотивов Библии: когда человек уже думает, что все потеряно, в это время его призывает Бог.

Как повествует Библия, когда вместе со своими стадами Моисей оказывается у подножья священной горы Синай (древнее название, которое, вероятно, происходит от бога Луны Сина), там ему является Бог – без образа, без какого-либо человеческого лика. Бог является Моисею в образе неопалимой купины (это церковнославянское слово), то есть куста, который не сгорает. На голом склоне Моисей видит куст, один из немногих в этой местности, который объят пламенем, но не сгорает. И Моисей, видя этот свет, подходит ближе и слышит призывный голос Божий.

В чем смысл этого образа? Он говорит нам о том, что человеческое, соприкасаясь с Божественным, сохраняется и не гибнет. Поэтому всякое откровение есть своего рода неопалимая купина. Всякий пророк есть неопалимая купина, потому что его касается Божественный огонь и не опаляет. Так же и Дева Мария становится Неопалимой Купиной, ибо она несет в себе Богомладенца. Вероятно, вы знаете, что в Москве есть Неопалимовский переулок, где была церковь в честь иконы Божией Матери «Неопалимая купина». Существует такая икона, на которой в центре изображена Дева Мария, окруженная языками пламени, а вокруг различные символы (которых я не буду сейчас касаться). На том месте, где Моисею было видение, и сейчас стоит монастырь. Это место чтится как встреча Божественного и человеческого, конечного и Бесконечного.

*Икона Божией Матери «Неопалимая купина».
Конец XVI века. Соловецкий монастырь*

Моисей хочет знать: кто этот таинственный голос, который его призывает? Он спрашивает: «Кто ты?» И голос ему отвечает: «Эхьё Аиёр Эхьё», то есть «Я Тот, Кто Есть», «Я Тот, Кто Существует»!..

Что это означает? Что бытие принадлежит только Богу; Он есть, а мы – люди и все остальные творения – получаем бытие уже от Него. А по-настоящему существует только Он.

И лишь потом открывается Моисею Его таинственное имя, имя, которое в консонантном алфавите записывается с помощью четырех букв. В III веке до нашей эры оно было табуировано и его не произносили, поэтому это имя долгое время не знали как читать. Часто в беллетристике на эту тему можно встретить персонажей, скажем, I века до нашей эры, которые спокойно произносят имя Божие, – это нелепый анахронизм. Никто имя Божие не произносил. Предположительно оно произносится как *Ягвэ* или *Яхвэ*, но это только предположительно.

В древности это имя читали как Иегова, что неверно. Откуда оно появилось? В литературе вы будете не раз сталкиваться с этим словом. Как вы знаете, в консонантном алфавите есть только согласные буквы. И вот четыре буквы, так называемая тетраграмма святого имени Божия, впоследствии имели огласовки совсем другого слова, а именно слова «Господь» – *Адо-най*. Для читающего это означало, что написаны эти четыре буквы, а ты читай «Господь». Не называй имени Божия. Когда же в эпоху Возрождения стали обращаться к восточным языкам, не зная этого правила, люди стали читать эти четыре согласные с гласными, относящимися к слову *Адонай*, и получилось *Иегова*.

Впоследствии, в XIX веке ученые, обратившись к отцам Церкви, поняли, что это ошибочное чтение, и в настоящее время это имя условно читается как Ягве, или Яхве. И всюду, где вы в Библии, в Ветхом Завете читаете слово «Господь», на самом деле в оригинале стоят четыре буквы, определяющие священное имя Яхве.

Итак, во-первых, Бог открывается Моисею как носитель бытия. Во-вторых, Он открывается как действующий *в истории*. Он говорит, что «Я слышу вопль людей Моих, которые страдают в Египте, и посылаю тебя избавить их из дома рабства».

Но Моисей отказывается. Происходит то, что совершенно непостижимо, скажем, для индийской мистики, когда встреча человека с Божественным растворяет его душу и его сознание как бы исчезает и распадается космическими силами. Здесь воля человека противостоит воле Творца – встречаются два личностных начала: Божественное и человеческое. «Я непригоден! – говорит Моисей, – и еще я косноязычен!»

Некоторые комментаторы считают, что, выросший в египетской среде, он говорил только по-египетски и мог с трудом изъясняться со своими соплеменниками.

– Ничего, – говорит Бог, – у тебя есть брат, Аарон, он будет говорить за тебя.

– Но чем я докажу ему, что Ты меня послал?

Идет как бы препирательство: Моисей сомневается! Он отказывается, он искренне чувствует свою неспособность совершить это. Он вовсе не приходит в восторг, как можно было бы легко предположить, от того, что на него возлагается какая-то особая миссия. И только после того как он понял, что все будет делать Бог, а не он, – он соглашается.

Далее события разворачиваются драматично. Моисей приходит к народу израильскому и говорит: «Бог ваших отцов призвал меня. Мы должны уйти из дома рабства». Они колеблются, они сомневаются. И когда, наконец, они готовы его слушать, администраторы фараона приходят в движение и не дают разрешения на уход в пустыню для совершения праздничного жертвоприношения (скотоводческого праздника). И тогда в Египте происходят какие-то стихийные бедствия, которые, очевидно, способствуют Исходу.

В позднейших сказаниях, записанных в Библии как праздничный рассказ, они описаны как «десять казней египетских». Подчеркнуто, что это были события, происходившие в лоне природы: поражается вода, поражается воздух, поражается скот. Почему? Потому что происходит схватка между Египтом, который религиозно почитает стихии и животных, и Богом, Который стоит над всем. «Кто этот Бог? – говорит фараон. – Я его не знаю». А Он и есть Тот, Кто властвует над всеми стихиями.

И накануне 14-го числа весеннего месяца нисана Моисей приказывает всем израильтянам совершить поспешную трапезу: быстро испечь пресные хлебы, как делают кочевники, когда некогда уже заквашивать, быть готовыми уходить, собрать все, что есть, что можно унести, взять даже посохи дорожные и стоя совершить трапезу, заколов агнца как жертву. Кровь этого агнца должна была символизировать новое рождающееся духовное родство.

В это время фараон соглашается отпустить израильтян, и ночью они покидают Египет. Они двигаются на восток и приближаются к месту, которое в Библии названо *Ям-суф*. *Ям-суф* значит «Тростниковое море». В русском переводе мы читаем «Красное море», или по-церковнославянски «Черное море». Действительно, на том месте, где сейчас Суэцкий канал, Крас-

ное море переходило в цепь так называемых Горьких озер, или «Великой черноты», которые можно рассматривать как часть этого морского залива.

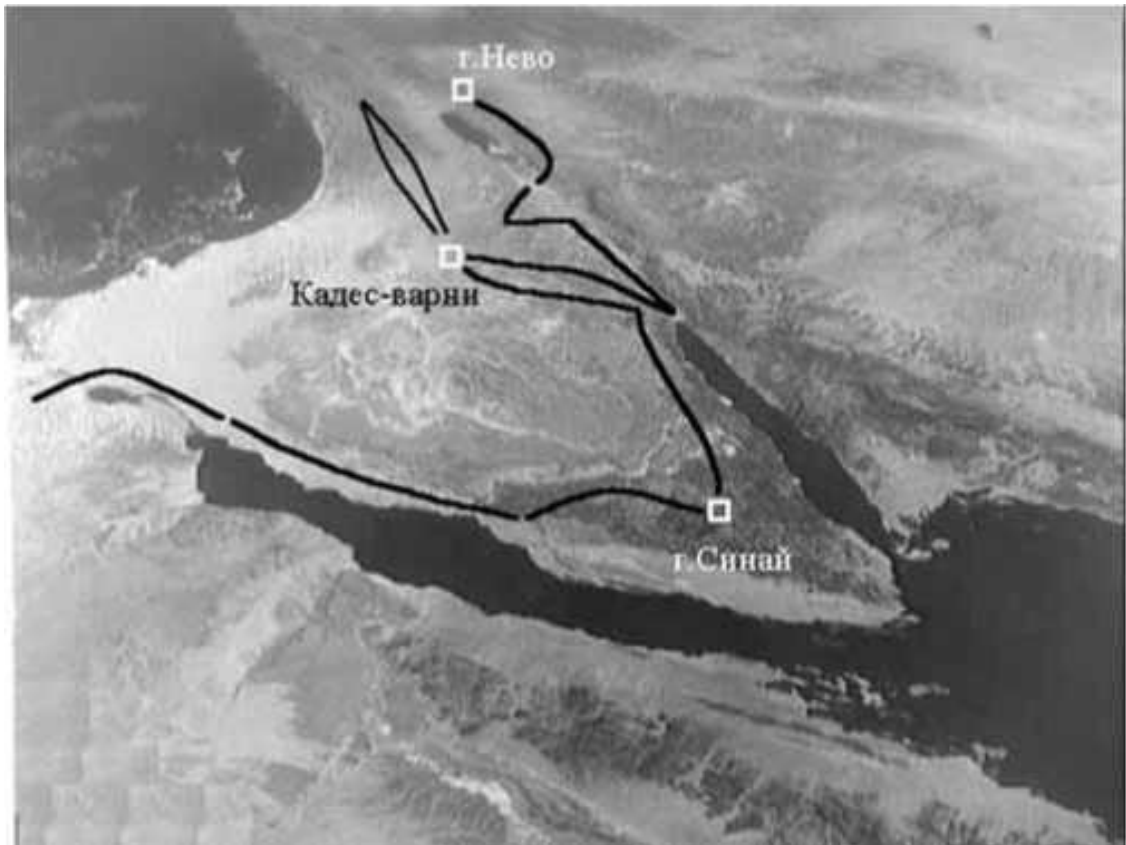
Египтяне приходят в себя и бросаются в погоню. И когда они приближаются, народ начинает кричать Моисею: «Ты нас погубил! Разве мало было гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыню?» А он им отвечает: «Не бойтесь. Стойте и увидите спасение Господне». Он простирает над морем жезл, в который Бог вложил Свою силу: «И дул всю ночь ветер сильный и разогнал воду», – читаем мы в Библии², и люди пошли среди моря по суше. А когда погоня настигла их, море снова двинулось, возвратилось в свое место и потопило египтян. Это событие настолько поразило всех, настолько врезалось в память народа, что стало неотъемлемой частью его поэзии, религиозных традиций и песнопений.

Апостол Павел говорит о том, что этот переход из рабства к свободе через море прообразует таинство Крещения. Перед нами религия, которая начинается с призыва к свободе, к свободе трудной, к свободе, к которой идут, преодолевая препятствия! Она постоянно испытывает людей, которые проявляют малодушие. Это не свобода титанов, гигантов, которые шагают навстречу победе. А это толпа, склонная к панике, к унынию, это обыкновенные люди, такие, какими они были во все времена. Толпа с неустойчивой психикой – только что они радовались и тут же говорят: мало нам было гробов в Египте.

Вот здесь для наглядности я повесил карту, на которой изображены египетская Дельта, Синайский полуостров и отмечен путь, которым Моисей вел израильтян. Он не повел их сразу на северо-восток, в Землю Обетованную, в землю, где жил некогда Авраам, а повел их на юг, к горе Синай. Вершина Синай (до сих пор не совсем ясно, какая из них была той Моисеевой горой) находилась на юге Синайского полуострова. Далее – трехмесячный путь на юг.

Книга Исхода описывает постоянное маловерие, малодушие и колебания людей. То нет воды, то не хватает пищи, то кажется, что все люди погибают в этих диких, бесплодных, безжизненных местах. Но, наконец, они достигают Синайской горы. Голая, подобная лунному ландшафту, скалистая гора. Она колеблется! И громы над ней, и молнии! Описано нечто, подобное извержению вулкана. Советский астроном и историк Николай Морозов считал, что там действительно было извержение вулкана, и люди приняли его за явление Бога. Но в таком случае когда погибли Помпея и Геркуланум, должна была родиться еще одна религия, так же и во многих других случаях. Но почему-то ничего такого не произошло.

² Ср. Исх 14.21.

Карта исхода из Египта

Бог говорит Моисею: «Поднимись ко Мне; но народ не должен восходить».

Моисей поднимается на гору, на ее уступы. Что там происходило, мы не знаем. Это, конечно, закрыто для нас. Мистиков всех времен как магнитом притягивало к этой тайне. Ибо сказано, что «Моисей вошел во мрак, туда, где Бог». Образ Божественного мрака присутствует и у Мейстера Экхарта, у Григория Паламы, и у многих других мистиков. Григорий Нисский, философ и писатель IV века, автор книги «Жизнь Моисея», особенно внимательно останавливается на этом священном «мраке». Мы никогда не сможем узнать, что происходило на этой горе. Это остается тайной. Но Моисей возвращается оттуда с заповедями, заповедями для людей, которые еще вчера были рабами!

Какие же это заповеди? Что он принес? Какие-то особые ритуалы, сложные обычаи, причудливые и странные знаки и церемонии? Ведь так было на всем Востоке, да и на Западе: древняя Энеида в то время была полна всем этим. Не забывайте, что описываемые события хронологически происходили одновременно с Троянской войной, во времена Ахилла и Гектора.

Так вот, Моисей приносит две каменных доски, на которых начертаны десять «слов» («слов» значит «речений»). Именно поэтому в научный обиход вошел термин «Декалог» – заповеди Моисея являются декалогом, по-церковнославянски «десятословием». Конечно, вы все о них слышали или знаете.

Первое речение – «Я Господь, Бог твой (то есть Сущий; Яхве – Сущий), Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства», то есть Он Тот, Кому принадлежит бытие, и Он Тот, Кто действует в истории, Он – Освободитель.

Он дает свободу – подчеркиваю – не потому, что люди такие свободолюбивые (читайте об этом книгу Фромма «Бегство от свободы»). Люди не любят свободы и никогда ее толком

не любили. Свободу любят лишь избранники, и они сеют семена – обратите внимание на стихотворение Пушкина:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В поработанные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...

– мрачное стихотворение, оно как раз об этом³.

Итак, «Я вывел тебя из дома рабства. Да не будет у тебя других богов кроме Меня».

Значит, вера дает свободу – это первый пункт. Второй: Он есть Абсолют, и поэтому других богов быть не должно. Человек всегда изобретает других богов, даже тогда, когда теоретически приходит к единому Богу. «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим. Не делай себе кумира». Тут все против идолопоклонства, против почитания природы, включая почитание стихий, молнии, культа личности и чего угодно.

Один богослов сказал: эти заповеди устарели, у нас есть Евангелие – этого достаточно. Конечно, Евангелие в себя все это включает. Но увы! До сих пор десять заповедей не устарели, потому что человечество еще не способно соблюсти даже эти элементарные заветы, данные почти дикарям три с чем-то тысячи лет тому назад.

Идем дальше. Я читаю основные пункты. Дело в том, что когда позднее записывался этот текст, он был расширен, поэтому он имеет две редакции: одна – в Книге Исхода, другая – в Книге Второзакония, в 6-й главе, но смысл совершенно тот же.

«Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно».

Это означает, что к тайне бытия *человек не может* приникнуть по-настоящему, если у него нет *благоговения*. Нельзя выманить истину из воды, как будто выманиваешь какую-то рыбу. Истина открывается как Личность! И она откроется только тогда, когда есть благоговение (эта практика показала себя во всех поколениях). А природа – это другое дело. Когда мы говорим, что природа хранит свои тайны, мы выражаемся метафорически. Но когда мы говорим о личностной тайне, то здесь без благоговения невозможно – все двери захлопываются.

И, наконец, четвертая заповедь: «Помни день субботний, чтобы святить его» – чтобы он был священный.

Слово «суббота» происходит от вавилонского *сабаттуй*, что значит «праздник» (существуют и другие этимологии этого слова). Но здесь праздник вносится в *повседневную жизнь* года. Совершенно искусственно каждый седьмой день (семь – это священное число, означающее полноту) человек должен был остановиться. Это очень важный момент.

Мы, люди XX века, должны понять, насколько это священная и важная заповедь. Ведь Церковь не отменила ее, а просто перенесла на день воскресный. В потоке будничных дней человеку необходим момент покоя. Необходимо сосредоточиться, необходимо вернуться к себе самому. И вот на какой-то момент человек как бы освобождает себя не просто от труда, а от своей власти над жизнью. Он становится как бы бессильным и в это время может думать о Высшем.

³ И далее: Паситесь, мирные народы! Вас не разбудит чести клич. К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь. Наследство их из рода в роды. Ярмо с гремушками да бич. Эпиграф взят из Библии: «Изыде сеятель сеяти семена своя» (Лк 8.5).

Из десяти четыре заповеди касаются Бога. Остальные шесть относятся к человеческим отношениям. Это значит, что для Творца важны не какие-то ритуальные формы поведения, а прежде всего *человечность*.

Дальше идут самые простые заповеди. Почитай отца и мать свою. Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего своего (то есть не клеветай). Не желай дома ближнего твоего, ни жены его и так далее, то есть не завидуй.

Таким образом, Декалог проникает не только в сферу действий, но и мысли. Потому что зависть есть мысль. Вы можете удивиться, вы скажете: как, неужели рядом с такими фундаментальными вещами, как убийство и воровство, мы поставим зависть?! Невинная, казалось бы, вещь. Но это далеко не так. Зависть – это сильнейшая страсть! Это страсть, которая может двигать толпами. Это страсть, которая может ломать общество, она может ослепить тысячи и миллионы людей и вместо того чтобы созидать, трудиться, завистники будут стремиться отнять у тех, кто имеет, их достояние, чтобы быть одинаково нищими. Такова сила зависти.

Недаром у Юрия Олеши есть повесть, которая так и называется «Зависть». Он сумел проникнуть в психологию завистника. Но, я думаю, что если вы как следует задумаетесь, то поймете, что это колоссальное явление душевной патологии человека, в особенности в XX столетии.

Кроме того, Моисей призвал к двум вещам. «Слушай, Израиль, Господь, Бог наш, Господь *един* есть. И люби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душой твоей, всей крепостью твоей».

Любовь к Богу! Не просто страх, не просто почитание, а любовь. И другая заповедь: «Люби ближнего твоего, как самого себя». То есть выйди за пределы своего «я». Конечно, это было трудно понять, но осталось как твердая заповедь.

Но вот Моисей удаляется на молитву к Богу, а когда спускается вниз, слышит шум и видит пляску людей перед изваянием быка. Бык на Древнем Востоке и в Греции символизировал мощь природы. Люди, решив, что Моисей погиб в горах, потребовали от его брата, чтобы он поставил им алтарь с изображением Божества: «Нам нужно видеть Бога».

Это очень характерная вещь: видеть, ощущать. Хотя Моисей запретил изображать Божество, они требуют: сделай Его нам. И Аарон, испугавшись толпы, сделал им литого тельца. Увидев это, Моисей разбил скрижали! И тогда (опять знаменательный момент в Библии) Бог призывает его и говорит: «Я произведу от тебя народ святой и царство священников. А этих уничтожу». Но Моисей отвечает: «Лучше я погибну, но сохрани их». Поэтому Православная Церковь всегда считала Моисея прообразом Христа, ибо он был *гоэль* – заступник, утешитель народа, он за него ходатайствовал, он готов был за него *умереть*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.